

Изъ пятой части Воспоминаній П. И. Щукина.

Отчего Воспоминанія П. И. Щукина читаются такъ легко и такъ занимательны? Оттого, что онъ пишетъ ихъ вполнѣ беззатѣйно. Иной, много видавшій, какъ возьмется за перо, чтобы изложить свой разсказъ о прошломъ, тотчасъ стѣсняется, и ему кажется, что его стануть осуждать. У П. И. Щукина вовсе нѣтъ такой заботы: онъ передаетъ, что видѣлъ, что замѣтилъ, что приобрѣлъ для своего Музея, гдѣ хорошо покупалъ, на какую набрелъ мѣстность, гдѣ нашель удобное помѣщеніе, какое замѣтилъ производство. Чего, чего онъ не видалъ, съ кѣмъ не сходился? Знакомыхъ своихъ изображаетъ онъ такъ, что они и не вздумаютъ обидѣться нехвалебными его отзывами. Притомъ какое разнообразіе! Онъ разсказываетъ какъ учѣлъ подрядчика при постройкѣ своего дома и какъ приобрѣлъ за 3000 рублей „Толковый Псалтырь“ Максима Грека. Въ какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ онъ съ опасностью переплываетъ Средиземное море, путешествуетъ по Сѣверному берегу Африки, и затѣмъ у нашего студенаго моря и въ Архангельскѣ.

Мы благодарны П. И. Щукину за дозволеніе знакомить съ его Воспоминаніями (которыя печатаются всего въ 200 экземплярахъ) читателей „Русскаго Архива“. Изъ недавно отпечатанной части ихъ извлекаемъ общедоступнаго. П. Б.

Постройку Музея началъ я въ Маѣ 1892 года, а окончилъ ее въ Сентябрѣ 1893 года*). Двухъэтажное зданіе Музея выстроено изъ краснаго кирпича, со сводами, цоколь оштукатуренъ Портландскимъ цементомъ въ видѣ граней. При кладкѣ зданія всѣ каменные украшенія тесались изъ кирпича или Мячковскаго камня, какъ это дѣлалось встарину. Въ кокошникѣ главнаго фасада вставлено большое барель-

*) Лѣтомъ 1892 года я ѣздилъ разъ съ архитекторомъ Б. В. Фрейденбергомъ, а другой разъ съ художникомъ О. А. Лѣве, въ Ярославль (съ послѣднимъ ѣздилъ еще и въ Ростовъ-Ярославскій). Фрейденбергъ и Лѣве зарисовали въ тамошнихъ церквахъ нѣкоторыя детали, конми воспользовались при постройкѣ Музея.

ефное изображеніе единорога, сдѣланное изъ Радомскаго песчаника; изъ такого же песчаника сдѣланъ надъ балкономъ бокового фасада меньшій барельефъ, представляющій птицу Сириня. Для большой подвѣски на крыльцѣ моделью послужила подвѣска въ церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. На фризахъ и въ ширинкахъ вставлены пестрые рельефные изразцы, заказанные по рисункамъ Фрейденберга на заводѣ Матвѣя Сидоровича Кузнецова. Въ кокошникѣ, вокругъ барельефа, облицовку сдѣлали изъ разноцвѣтнаго эмальированнаго кирпича. Шатровыя кровли крыльца и башни главнаго входа покрыли зеленой поливной черепицей¹⁾ съ полосатыми, желтаго, краснаго и зеленаго цвѣта, поливными же жгутами по краямъ; куполь и всѣ остальные крыши покрыли шашками изъ листоваго желѣза зеленаго и краснаго цвѣта. Балконъ бокового фасада скопировали съ балкона въ домѣ бояръ Романовыхъ, что въ Москвѣ, на Варваркѣ. Наружная лѣстница, ведущая во второй этажъ, гдѣ помѣщается музейная зала и библиотечная комната, сдѣлана изъ краснаго Финляндскаго гранита; внутренняя лѣстница, ведущая во второй этажъ, изъ зеленовато-сѣраго Эстляндскаго мрамора. Двухстворчатая рѣшетчатая дверь передъ наружной лѣстницей и рѣшетка на внутренней лѣстницѣ—изъ кованаго желѣза, расписаннаго оранжевой, красной, голубой и зеленой красками и золотомъ. Моделью для двери послужила старинная дверь, имѣющаяся въ моемъ собраніи; а для рѣшетки—рѣшетка, находящаяся въ Николо-Мокринской церкви въ Ярославлѣ. Въ музейной залѣ сводчатый потолокъ образовалъ девять восьмигранныхъ куполовъ, поддерживаемыхъ четырьмя чугунными расписными колоннами. Длина залы 21 арш., ширина 18; высота отъ пола до центра куполовъ—10 арш. Куполы расписаны, по бирюзовому и желтому фонамъ, разводами со стилизованными листьями и цвѣтами, бѣлой, желтой, голубой, зеленой и красной красками, а по угламъ куполовъ написаны коричневой и темножелтой красками: грифонъ, китоврасъ и птицы Сиринъ и Алконность. Стѣны залы выкрашены темнооранжевой краской. Зала въ два свѣта: съ каждой стороны шесть большихъ оконъ, закрываемыхъ желѣзными ставнями. Подоконники сдѣланы изъ зеленовато-сѣраго Эстляндскаго мрамора, полъ мозаичный (terrazzo). Въ залу ведетъ двухстворчатая желѣзная расписная дверь, украшенная бронзовыми, золочеными, рельефными, прорѣзными двуглавыми орлами, львами и единорогами въ кружкахъ²⁾. Сводчатый потолокъ библиотечки расписанъ

¹⁾ Полива уже черезъ годъ стала съ черепицъ слѣзать, такъ она была непрочна сдѣлана на заводѣ М. С. Кузнецова.

²⁾ Подобныя дворы встрѣчаются въ старинныхъ Русскихъ церквахъ.

на подобіе небеснаго свода синей краской съ золотыми солнцемъ и звѣздами и серебрянымъ полумѣсяцемъ¹⁾. Стѣны бібліотеки выкра-

Хорошо въ теремѣ изукрашено:
 На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
 На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
 На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
 На небѣ заря, въ теремѣ заря,
 И вся красота поднебесная.

шены въ коричневый цвѣтъ. Въ сводѣ пропустили, какъ это дѣлалось въ старину, двѣ желѣзныя связи. Въ углу сложили печку изъ Русскихъ изразцовъ начала XVIII вѣка, покрытыхъ бѣлой и синей поливой, съ изображеніями людей, звѣрей, птицъ и цвѣтовъ. Входную дверь въ бібліотеку навѣсили дубовую, одностворчатую, глухую; вокругъ нея сдѣлали скульптурный наличникъ свѣтлокофейнаго цвѣта на золотомъ фонѣ, подобный наличнику въ монастырѣ Саввы-Сторожевскаго. Другую дверь, изъ бібліотеки, наполовину стеклянную, сдѣлали выходящую на балконъ бокового фасада. Въ четырехъ окнахъ подоконники изъ краснаго Итальянскаго мрамора. Полъ посланъ паркетный. Своды входа во второй этажъ расписали по свѣтложелтому фону темножелтой, зеленой, голубой, красной и коричневой красками, на подобіе родословнаго древа, съ медальонами въ орнаментальныхъ, золотыхъ съ серебромъ, рамкахъ; въ рамкахъ нарисованы Петровскіе двуглавыя орлы, гербы Петербурга, Москвы, уѣздныхъ городовъ Московской губерніи и гербы другихъ губерній. Двуглавыя орлы и рамки заимствованы изъ жалованной грамоты, данной въ 1710 году Петромъ Великимъ Якову Брюсу, и находящейся въ моемъ собраніи. Стѣны выкрашены въ свѣтлооранжевый цвѣтъ. Расписной каменный столбъ поддерживаетъ своды входа верхняго этажа. Полъ на площадкѣ сдѣланъ изъ бѣлыхъ мраморныхъ круговъ²⁾ съ мозаичными четырехугольниками между ними. Своды входа въ нижній этажъ выкрашены свѣтложелтой краской, съ каймами изъ разводовъ, со стилизованными цвѣтами и листьями, писанными розовой, красной, голубой, зеленой и темножелтой краской. Стѣны расписаны ввидѣ сѣрыхъ камней. Расписной каменный столбъ поддерживаетъ своды нижняго входа. Полъ сдѣланъ изъ мраморныхъ круговъ съ мозаикой, какъ и въ верхнемъ этажѣ

¹⁾ Встарину на Руси любили росписывать потолки ввидѣ ночного небеснаго свода. По Русскимъ пѣснямъ, и сказочный теремъ Соловья Будиміровича былъ расписанъ подобнымъ же образомъ.

²⁾ Эти мраморные круги получаютъ при выдѣлкѣ въ Москвѣ мраморныхъ умявальниковъ.

входа, на площадкѣ второго этажа. Внизу, направо отъ входной двери, въ низкой комнатѣ своды и стѣны расписаны по свѣтложелтому фону разводами со стилизованными цвѣтами и листьями. Своды надъ пятью окнами и надъ дверью расписаны по голубому фону золотыми разводами съ птицами, цвѣтами и листьями. Рисунокъ амбразуръ взяли со стариннаго, расписнаго, деревяннаго кузова. Въ углу поставили печку изъ изразцовъ конца XVIII вѣка, Мусинь-Пушкинскаго завода, покрытыхъ бѣлой и зеленой поливой, съ изображеніями людей и животныхъ и съ различными надписями: „Весело играю всегда“, „Сие мне угодно“, „Заяць дики“, „Знаю место свое“, „Крепко караю“, и т. п. По стѣнамъ этой комнаты поставлены дубовыя рѣзные лавки. Паркетный полъ настланъ на горячій асфальтъ.

Комнаты, не входяція въ музейное помѣщеніе, предназначилъ я для жилья. Зданіе Музея могло освѣщаться электричествомъ, которое тогда переводили изъ моего дома, такъ какъ бывшая у меня электрическая машина была недостаточно сильна, чтобы освѣщать одновременно и домъ, и Музей. Въ подвалѣ Музея находится духовая печь, которая отапливается пятичетвертовыми еловыми дровами и нагрѣваетъ все зданіе. Двѣ печи, сложенные изъ старинныхъ изразцовъ, также можно топить.

Кирпичная кладка Музея производилась подрядчикомъ Николаемъ Ивановичемъ Силуановымъ, а малярныя и живописныя работы исполнялъ О. А. Лѣве. Всѣ стѣны и потолки въ музейныхъ помѣщеніяхъ выкрашены масляной, матовой, такъ называемой восковой, краской. Скульптурныя работы производились А. С. Козловымъ. Желѣзную рѣшетчатую дверь передъ наружной лѣстницей и рѣшетку на внутренней лѣстницѣ дѣлали въ Петербургѣ, въ мастерской Е. А. Вебера. Чугунныя колонны отливались на сосѣднемъ съ Музеемъ заводѣ Морица Пальма. Желѣзные двери, ставни, замки, дверные и оконные приборы дѣлалъ славный мастеръ А. Шмейль; дубовыя двери, оконныя рамы, шкафы, витрины, столы и стулья—изъ мастерской В. К. Шуберта.

Оба мои младшіе брата Владимиръ и Иванъ, поступившіе въ Московскій университетъ, недолго оставались въ Москвѣ послѣ смерти отца и переѣхали въ 1893-мъ году на жительство въ Парижъ, взявши съ собою свою старушку Эмму Карловну. Братъ Владимиръ былъ горбатый отъ рожденія, и его еще при жизни отца посылали лѣчиться въ Галле, къ профессору Фолькману. Въ Галле Владимиръ жилъ съ Эммой Карловной. Лѣченіе у Фолькмана мало принесло пользы, и

братъ опять вернулся въ Москву. Еще маленькимъ онъ любилъ заниматься дома починкой часовъ и разныхъ другихъ вещей. Поступивши въ университетъ, на медицинскій факультетъ, онъ сталъ усердно заниматься науками. Въмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Владимиръ собиралъ Русскіе гравированные портреты, которые, передъ отъѣздомъ въ Парижъ, они оба подарили мнѣ*). О совмѣстной жизни этихъ двухъ братьевъ въ Парижѣ я знаю мало. Мнѣ рассказывали про Владимира, что, живя въ Парижѣ, онъ захотѣлъ непременно познакомиться съ красивой актрисой *Cécile Sorel*, игравшей въ одномъ изъ Парижскихъ театровъ. Будучи въ этомъ театрѣ, онъ послалъ ей во время антракта, черезъ театральнаго служителя, свою визитную карточку съ приглашеніемъ на ужинъ и съ приложеніемъ банковаго билета въ тысячу франковъ. Г-жа Сорель приглашеніе приняла. Заграницей Владимиръ подружился съ Фѣдоромъ Ефимовичемъ и Ольгой Кирилловной Гучковыми и бывалъ съ ними въ Біаррицѣ. Вообще онъ былъ очень душевный человекъ и въ особенности любилъ брата Ивана, съ которымъ вмѣстѣ росъ, и старушку Эмму Карловну, ходившую за нимъ съ самаго его дѣтства. Недолго пришлось брату Владимиру пожить заграницей; здоровье его было плохое. Въ Біаррицѣ онъ захворалъ, а 30 Августа 1895 года умеръ въ Парижѣ, на 28-мъ году жизни, отъ туберкулознаго воспаленія мозга. Тѣло его было привезено въ Москву и похоронено на кладбищѣ Покровскаго монастыря. Эмма Карловна вернулась въ Москву, а братъ Иванъ остался жить въ Парижѣ.

По Средамъ стали приходять ко мнѣ обѣдать мои братья и пріятели, а по Воскресеньямъ собирались мы у брата Дмитрія къ завтраку. Изъ общихъ пріятелей, бывавшихъ у меня и у брата Дмитрія, назову В. К. Вульфберта и В. С. Абакумова, о которыхъ я уже говорилъ въ третьей части „Воспоминаній“. Владимиръ Карловичъ Вульфбертъ былъ живой и любезный собесѣдникъ, знавшій хорошо Французскій и Нѣмецкій языки и самъ писавшій въ Русскихъ журналахъ. Вульфбертъ любилъ Шампанское, которое было ему запрещено по причинѣ развившейся у него сахарной болѣзни; но онъ все же не переставалъ его пить, и отъ этой болѣзни умеръ 28 Апрѣля 1906 года, въ Москвѣ. В. С. Абакумовъ былъ болѣе серьезнаго нрава и нѣсколько раздражителенъ, но тоже интересный собесѣдникъ.

---

*) Между этими портретами есть рѣдчайшій герцога Эрнеста Иоганна Бирона, гравированный Иваномъ Соколовымъ. Братъ Иванъ написалъ объ этомъ портретѣ брошюру: „Биронъ въ гравюрѣ Ив. Соколова. Страничка изъ исторіи Русской иконографіи“, изданную въ 1893 году въ Москвѣ П. И. Шибановымъ.

Къ брату Дмитрію приходилъ на Воскресные завтраки Н. С. Мосоловъ. Николай Семеновичъ, одинокій, очень богатый, отличался скупостью. Объ этой скупости у его пріятелей В. К. Вульферта и В. С. Абакумова было нѣсколько разсказовъ. Однажды Н. С. Мосоловъ пригласилъ къ себѣ вечеромъ въ гости Вульферта и Абакумова, и когда они къ нему пришли, то Николай Семеновичъ спросилъ ихъ, чѣмъ угощать: виномъ или чаемъ? Пріятели сказали, что предпочитаютъ вино. Мосоловъ вышелъ изъ комнаты и по возвращеніи объявилъ, что, къ сожалѣнію, угостить ихъ виномъ не можетъ, потому что находившійся по сосѣдству магазинъ Генералова уже запертъ *). Дѣлать было нечего: пришлось удовольствоваться чаемъ. Посидѣвъ нѣкоторое время, Вульфертъ и Абакумовъ отправились домой. Каково же было ихъ удивленіе, когда, выйдя на улицу, они увидали магазинъ Генералова отпертымъ и ярко освѣщеннымъ! Въ другой разъ Мосоловъ пригласилъ Вульферта и Абакумова пріѣхать къ нотаріусу подписать въ качествѣ свидѣтелей духовное завѣщаніе, обѣщавъ угостить ихъ послѣ завтракомъ въ Большой Московской гостинницѣ. Въ назначенное время Вульфертъ и Абакумовъ пріѣхали къ нотаріусу, гдѣ застали Мосолова и подписали завѣщаніе. Какъ только они это сдѣлали, Николай Семеновичъ сказалъ: „господа, извините, я не могу съ вами завтракать, такъ какъ долженъ сейчасъ же ѣхать по дѣлу“. Кто-то изъ пріятелей Мосолова хотѣлъ придти къ нему пообѣдать, но онъ поспѣшилъ предупредить, сказавши, что у него на обѣдъ всего полрябчика. Однажды Н. С. Мосоловъ, уходя послѣ завтрака отъ брата Дмитрія вмѣстѣ съ Вульфертотомъ, замѣтилъ: „какъ хорошо, что Дмитрій Ивановичъ устроилъ у себя по Воскресеньямъ завтраки!“ — „А ты бы“, отвѣтилъ Вульфертъ, — „устроилъ у себя завтраки по Четвергамъ!“ Мосоловъ промолчалъ.

Абакумовъ познакомилъ меня съ своимъ родственникомъ, очень почтеннымъ и милымъ старикомъ, архитекторомъ Алекс. Александр. Мартыновымъ, который также сталъ у меня обѣдать по Средамъ. На своемъ вѣку Алексѣй Александровичъ много видѣлъ. Вмѣстѣ съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ Мартыновъ издалъ нѣсколько прекрасныхъ книгъ по археологіи и исторіи. Мартыновъ между прочимъ разсказывалъ, что Снегиревъ не любилъ, когда ему помогали снимать или надѣвать верхнюю одежду; и чтобы отучить это дѣлать, онъ обыкновенно предупреждалъ говоря: „разорвете“. Мартыновъ передавалъ одинъ эпизодъ, случившійся съ нимъ въ дѣтствѣ. Однажды лѣтомъ, играя на дворѣ и имѣя на себѣ бѣлые канифасовые панталоны, онъ хотѣлъ

*) Н. С. Мосоловъ жилъ тогда въ своемъ домѣ, на Большой Лубянкѣ.

перепрыгнуть через помойную яму; но это ему не удалось, и онъ упалъ въ яму, откуда былъ вытащенъ нянькой; нянька порядкомъ его отшлепала, и это наказаніе показалось Мартынову тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что она била его по мокрому. Мартыновъ еще разсказывалъ, что, будучи въ Шверинѣ, онъ былъ приглашенъ великимъ герцогомъ, которому поднесъ свои изданія, во дворецъ на балъ, гдѣ герцогъ представилъ ему офицера, говорившаго по-русски. Этотъ офицеръ, по словамъ Мартынова, дѣйствительно говорилъ по-русски, но не умѣлъ дѣлать правильныхъ удареній; на примѣръ, говорилъ „замѡкъ“ вмѣсто „замокъ“, или: „посмотрите, какая идетъ красавица“. Жилъ А. А. Мартыновъ между Знаменкой и Воздвиженкой, въ Ваганьковскомъ переулкѣ, въ двухъэтажномъ домикѣ, принадлежащемъ Флорищевой пустыни, у своей дочери Сабуровой. Мартыновъ хорошо разбиралъ Русскія старинныя рукописи. У меня онъ взялъ для разбора пріобрѣтенный мною сундукъ со столбцами Алябьевскаго архива; между этими столбцами Мартыновъ нашелъ нѣсколько интересныхъ: столбецъ 1689 года, подписанный любимцемъ царевны Софіи Алексѣевны, княземъ Василюмъ Васильевичемъ Голицынымъ, и столбцы 1691 и 1692-го годовъ относительно ссыльныхъ князей Алексѣя и Василія Васильевичей Голицыныхъ. Когда я познакомился съ Мартыновымъ, онъ былъ еще бодръ, несмотря на свои преклонные годы; но затѣмъ старость начала быстро брать свое: Алексѣй Александровичъ сталъ глохнуть и плохо видѣть: за обѣдомъ, обыкновенно словоохотливый, онъ сидѣлъ уже грустнымъ и молчаливымъ. Наконецъ онъ совсѣмъ пересталъ бывать у меня и въ 1895-мъ году умеръ.

Еще до моего переѣзда на Малую Грузинскую, ко мнѣ въ Лопухинскій переулокъ неожиданно явился извѣстный художникъ Василій Васильевичъ Верещагинъ, съ которымъ я не былъ знакомъ. Дѣло въ томъ, что онъ тогда замышлялъ писать картины изъ эпохи 1812 года и отъ кого-то узналъ, что у меня имѣются литографіи съ рисунковъ полковника изъ корпуса Нея—Фавръ-дю-Фора и художника Адама, находившагося при корпусѣ вице-короля Итальянскаго Евгенія. Верещагину желательно было познакомиться съ этими литографіями. Поэтому онъ былъ у меня нѣсколько разъ; онъ просилъ дать ему на домъ эти литографіи, но я не далъ. Потомъ я его долгое время не видалъ. Наконецъ, когда былъ выстроенъ и совсѣмъ устроенъ мой Музей, Василій Васильевичъ явился и былъ отъ него въ восторгѣ; хвалилъ мою энергію, сравнивая ее съ Американской. Въ 1894 году онъ уѣхалъ въ Сольвычегодскъ, откуда мнѣ прислалъ нѣсколько писемъ. 25 Мая онъ писалъ: „Обѣщали мнѣ достать хорошую печку

выпуклыхъ изразцовъ, не знаю только достанутъ ли. Коли да, то пошлю вамъ съ наложеннымъ платежемъ. Я кончилъ мою барку и завтра выйду въ Сѣверную Двину, по которой стану смотрѣть старину. Пока написалъ входныя врата въ Строгановскій Сольвычегодскій соборъ—преинтересныя! Лидія Васильевна¹⁾ шлетъ вамъ поклонъ“. Затѣмъ получилъ я отъ Василя Васильевича письмо отъ 2 Іюня изъ Бѣлой Слуды, на Двинѣ, слѣдующаго содержанія: „Вотъ какое обстоятельство: въ мѣстечкѣ Бѣлой Слудѣ на Сѣвер. Двинѣ, есть 2 деревянныя церкви 1620—1640 годовъ; первая, поменьше, передѣлана внутри; но вторая, немного покосившаяся, цѣла, иконостасъ тотъ же, что былъ поставленъ строителями. Зато у этой открылась кое-гдѣ на крышѣ береста и обвалился окружавшій съ трехъ сторонъ портикъ-паперть. Желательно исправить обѣ церкви, т. е. подвести каменный фундаментъ, починить крышу, возстановить портикъ-паперть и, главное, возвратитъ всѣ образа и украшенія взятые въ новую каменную церковь (ужасную!) Причтъ, не довольствуясь тѣмъ, что сломалъ недавно покривившуюся высокую стройную деревянную колокольню, просилъ уже позволенія архіерея сломать всю эту старину, *какъ безобразіе*; но тотъ, настроенный мною, спасибо ему, не дозволилъ. Думаю, что мы могли бы сдѣлать всѣ нужныя поправки и починки тихо, разумно, толково: не прибѣгая ни къ подпискѣ, ни къ огласкѣ, отъ которой, пожалуй, толка не будетъ. Не захотите ли Вы быть возстановителемъ этихъ церквей? Даже колокольню можно снова поставить, такъ какъ сторожка, выстроенная изъ части лѣса, еще очень крѣпкаго, цѣла, да и вся постройка хорошо въ памяти у всѣхъ. На поправку церквей, думаю, потребуется примѣрно 2.000 руб., да на колокольню 1000. Пожалуй, можно обойтись безъ послѣдней, но безъ фундаментовъ нельзя, упадетъ все, подправленное же простоитъ еще доброе столѣтіе. Все то что въ Вашемъ превосходномъ собраніи частями собрано какъ матерьялъ, здѣсь на мѣстѣ у себя дома. Вотъ причина почему я къ вамъ и обращаюсь; сдается, что Вы должны сочувствовать дѣлу. Что за прелестныя вещи, украшенія здѣсь въ постройкахъ! Напр. всѣ крыши оканчиваются не просто досками, а такъ²⁾, а чешуя на крышахъ деревянная же, а капители колоннъ, если онѣ не прототипъ каменныхъ? Колонны есть прелестныя, прямо тесанныя топоромъ. Здѣсь я жалѣю о томъ, что старьевщики-офени вырываютъ ежегодно изъ домовъ и церквей все, что подревнѣе и поцвнѣе. Одинъ крестьянинъ напр. хвасталъ, что

1) Жена В. В. Верещагина.

2) В. В. Верещагинъ сдѣлалъ въ письмѣ два рисунка, вродѣ городковъ съ закругленіями.

Московскіе скупщики старыхъ вещей дали ему по 3 руб. за черенокъ къ ножамъ и вилкамъ, украшенный 4-мя красками эмали! Я утѣшилъ его тѣмъ, что въ Москвѣ платилъ за нихъ по 20 руб. Очень интересны старыя церкви и иконостасы. Вспоминая чисто Американскую энергію, съ которою Вы въ 5 лѣтъ собрали вещи и выстроили Музей, я думаю, что Вы не откажетесь помочь дѣлу реставраціи древности? Сдѣлаемъ все ладно, толково и хозяйственно, черезъ того же попа, который будетъ ужъ за себя стараться. Лидія Васильевна, ѣдущая со мной на баркѣ, вмѣстѣ съ малюткой, кланяется Вамъ. Она прислушивается къ пѣснямъ и кое-что уже положила на музыку“.

Вернувшись съ Сѣверной Двины въ Москву, В. В. Верещагинъ написалъ мнѣ 16 Августа слѣдующее: „Вы вѣроятно теперь въ Нижнемъ, почему я откладываю удовольствіе еще разъ посмотрѣть Ваши коллекціи до Сентября, когда, должно быть, Вы будете въ Москвѣ. Представьте себѣ, о чемъ сожалѣю? О томъ, что Музей Вашъ готовъ и что нельзя пустить въ дѣло колонны найденныя мною въ одной деревянной церкви: онѣ какъ нельзя болѣе подходили бы! Это образцы той оригинальной Русской архитектуры, которая развивалась болѣе или менѣе правильно при царяхъ до Петра; была осмѣяна, оплевана и задушена этимъ послѣднимъ. Я набралъ на полотно немало остатковъ прошлаго, отъ которыхъ такъ и вѣетъ родною стариною; какъ-нибудь покажу Вамъ все это“. Это письмо было мнѣ переслано въ Нижній, по возвращеніи откуда я опять получилъ отъ Верещагина письмо отъ 20 Сентября. „Все собираюсь въ Вашъ чудесный Музей“, писалъ мнѣ Василій Васильевичъ, „и таки соберусь наконецъ. Нѣтъ ли у Васъ въ виду молодого человѣка съ брюшкомъ для фигуры Наполеона I-го?“ Молодого человѣка для позированія Наполеона I у меня не нашлось. Вскорѣ послѣ письма отъ 20 Сентября Верещагинъ пришелъ ко мнѣ, завтракалъ и много рассказывалъ о своемъ путешествіи по Сѣверной Двинѣ; какъ его барку принимали за *торговое судно* и какъ бабы спрашивали его, почемъ сахаръ, чай и разные другіе товары, и какъ онъ не могъ ихъ убѣдить въ томъ, что онъ не торговецъ, а путешественникъ. 27 Сентября Верещагинъ опять написалъ мнѣ письмо: „Настаиваю на томъ, что Вамъ, въ такомъ отдаленіи отъ центра города, немислимо ограничиваться брикъ-а-бракомъ. Не слушайте тупиць-рутинистовъ, желающихъ окунуть и Васъ въ рутину.... Я видѣлъ много свѣтлыхъ, разумныхъ примѣровъ того, что совѣтую. Въ Америкѣ, гдѣ, какъ Вамъ извѣстно, инициативы много, а рутины мало.—Что мы за парія, что возможное тамъ невозможно у насъ? Walker, богатый водочный заводчикъ въ Балтиморѣ, конечно не спра-

шивалъ мнѣнія нашихъ б..... (простите за выраженіе), когда устраивалъ свой чудесный Музей; въ этомъ собраніи Вы можете пройти въ картинную галерею не иначе какъ осмотрѣвши предварительно нѣсколько залъ образцовъ всесторонняго приложенія искусства, такъ называемаго прикладнаго искусства, и впечатлѣніе получается полное, законченное. Я искренно порадовался, когда узналъ, что нашъ Третьяковъ началъ собирать образъ и высказалъ ему это; еще болѣе порадовался бы, еслибы преддверіемъ его галлеріи служило всестороннее собраніе прикладнаго искусства.... Именно въ виду того, что у Васъ уже есть, Ваше собраніе можетъ быть поучительнѣе Третьяковскаго, если Вы проведете развитіе родного искусства отъ грубѣйшаго орнамента до изображеній въ живописи и скульптурѣ родныхъ людей природы и исторіи ихъ. Совѣтую Вамъ построить еще домъ, на мѣстѣ теперешней изящной оранжереи и непременно, соединить его крытымъ ходомъ съ теперешнимъ музеемъ. Этотъ крытый ходъ дастъ возможность обойтись въ новомъ зданіи безъ многоберущихъ мѣста подъѣзда и прихожихъ и посвятить весь низъ отдѣлу образцовъ, распятій, фигуръ изъ дерева и кости, также аллегорическихъ картинъ, какъ соединительной вѣтви ствола—всего Музея прикладнаго искусства—съ листьями и цвѣтами, свободнымъ искусствомъ въ видѣ картинъ и статуй, разставленныхъ и развѣшанныхъ въ изящно задрапированной галлерей верхняго этажа. Повторяю, собраніе, составленное по такой разумной мысли, будетъ *цѣлою наглядною* школою родного искусства.... Можетъ быть Вы инаго мнѣнія—тогда конечно я Вамъ не буду и заикаться объ этомъ. Японщину, китайщину и проч. какая есть, продайте или вымѣняйте!“ 23 Октября снова получилъ я письмо отъ Верещагина, въ которомъ онъ писалъ: „Продолжая разговоръ нашъ, скажу Вамъ что лѣтъ 10 тому назадъ говорилъ бывшему директору Имп. Эрмитажа, что напрасно они къ произведеніямъ чистаго искусства не добавляютъ прикладнаго, и получилъ въ отвѣтъ: „нѣтъ мѣста!“ Что же Вы думаете, за послѣднее посѣщеніе Петербурга, нашель, что внизу отведено значительное помѣщеніе подъ предметы прикладнаго искусства—перетащенъ Царскосельскій Музей, помѣщена коллекція Базилевскаго и проч. Къ стыду ихъ только Русскій отдѣлъ очень малъ и плохъ“.

Къ себѣ Василій Васильевичъ меня никогда не приглашалъ; слышалъ я только, что онъ жилъ за Серпуховской заставой, близъ деревни Верхніе Котлы, гдѣ выстроилъ себѣ на горѣ домъ съ мастерской и огородилъ его высокимъ заборомъ*). Послѣ послѣдняго посѣще-

*) Меня Верещагинъ тоже навѣщалъ для распроса свѣдѣній о Наполеонѣ въ Москвѣ. Когда я взаимствовалъ ему посѣщеніемъ, онъ жилъ на Кокоревскомъ подворьѣ, окнами на Кремлевскій дворецъ. П. Б.

нія Верещагинымъ моего Музея, продолжительное время я его не видалъ и ничего о немъ не слыхалъ, какъ вдругъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что у него почти готова серія картинъ относящихся до отечественной войны 1812 года, и что онъ проситъ меня увѣдомить его, согласенъ ли я буду ихъ купить и, въ случаѣ моего согласія, онъ пригласитъ меня прїѣхать къ нему ихъ посмотрѣть. Далѣе Верещагинъ писалъ, что при покупкѣ мною этихъ картинъ онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы съ нимъ былъ заключенъ нотаріальный договоръ, по которому онъ получаетъ извѣстную сумму денегъ впередъ, а остальные деньги послѣ того какъ картины будутъ показаны въ Европѣ и Америкѣ, т. е. черезъ 2—3 года. На это письмо я отвѣтилъ Верещагину, что недостаточно интересуюсь современными картинами, относящимися до 1812 года, чтобы ихъ покупать. Не знаю почему, Василій Васильевичъ обидѣлся этимъ отвѣтомъ и написалъ мнѣ настолько рѣзкое письмо, что заставилъ меня послать ему письмо, въ которомъ я написалъ, что никогда не искалъ его знакомства и буду очень радъ, если онъ оставитъ меня въ покоѣ своими предложеніями разныхъ гешефтовъ. Послѣ этого я получилъ отъ Верещагина лаконическую телеграмму въ одно слово и безъ подписи: „аминь“. Такъ кончилось мое знакомство съ этимъ талантливымъ художникомъ. Незадолго до отъѣзда В. В. Верещагина въ Портъ-Артуръ, я встрѣтилъ его въ Охотномъ ряду, гдѣ онъ покупалъ рябчиковъ въ лавкѣ Лобачева.

Болѣе счастливыми были мои знакомства съ другими Русскими художниками. Художникъ Митрофановъ, маленькаго роста, горбатый, жилъ на Большой Прѣснѣ, въ домѣ недалеко отъ Бирюковскихъ бань, гдѣ имѣлъ на дворѣ мастерскую. Въ этой мастерской видѣлъ я написанный имъ хорошій масляный портретъ нашего бывшаго покупателя изъ Красноярска (нынѣ покойнаго) Николая Герасимовича Гадалова и начатую картину, изображавшую Іоанна Грознаго у колдуньи. У меня Митрофановъ писалъ масляными красками этюдъ кинжала для этой картины. Только странно мнѣ показалось, что для кинжала Грознаго Митрофановъ выбралъ моделью имѣющійся у меня старинный, сильно изогнутой формы, Персидскій кинжалъ. Какъ я ни объяснялъ Митрофанову, что Персидскій кинжалъ едва ли носилъ Іоаннъ Грозный,— онъ все же изобразилъ его съ этимъ кинжаломъ.

В. И. Суриковъ писалъ у меня на дворѣ зимой этюдъ масляными красками со старинной серебряной стопы, и такъ какъ у него мерзли руки, то онъ часто прибѣгалъ въ комнаты, чтобы согрѣться. Затѣмъ

Суриковъ писалъ у меня въ домѣ этюдъ ковра для своей картины „Стенька Разинъ“, и моделью служилъ Малоазіатскій коверъ XVII в. изъ моего собранія. Художникъ Аполлинарій Михайловичъ Васнецовъ срисовывалъ для своихъ картинъ постройки, изображенныя на имѣющихся у меня планахъ Москвы XVII вѣка, а его братъ, художникъ Викторъ Михайловичъ, прислалъ ко мнѣ молодого человѣка Виктора Дмитріевича Замирайло, который прекрасно скопировалъ акварелью много заставокъ изъ принадлежащихъ мнѣ древнихъ Русскихъ рукописныхъ книгъ. Одну заглавную заставку, срисованную у меня В. Д. Замирайло, изъ синодика Крутицкаго архіерейскаго дома, В. М. Васнецовъ цѣликомъ примѣнилъ для росписи обѣда, даннаго во время коронаціи Императора Николая II въ Кремлевскомъ дворцѣ. Художникъ В. А. Сѣровъ копировалъ акварелью, для занавѣса Дягилевскаго театра въ Парижѣ, старинныя Персидскія миниатюры изъ моего собранія.

Продолжалъ я быть въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми Французскими художниками. Специальностью Helleu было гравированіе портретовъ съ натуры алмазомъ на мѣдныхъ доскахъ, которые потомъ отпечатывались на бумагѣ. Гравюра, сдѣланная такимъ способомъ, у Французовъ называется *pointe-sèche*. Когда я былъ въ Парижѣ у Helleu*), то видѣлъ, какъ онъ гравировалъ алмазомъ, причѣмъ постоянно жаловался, что рука устаетъ отъ этой работы. Писалъ Helleu также масляными красками и пастелью; въ моемъ собраніи имѣются его работы всѣхъ трехъ родовъ, т. е. алмазомъ, кистью и цвѣтными карандашами.

Свое собраніе старинныхъ вещей я не переставалъ пополнять, покупая ихъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Нижегородской ярмаркѣ. Въ Москвѣ покупалъ я у антикваровъ П. М. Иванова (+), С. Т. Большакова (+), И. Л. Силина (+), М. П. Вострякова (+), братьевъ Соловьевыхъ, Ф. В. Веркмейстера, Я. И. Черномордика, Фрумкина, Когана и др. Петръ Марковичъ Ивановъ имѣлъ магазинъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ, а впоследствии переѣхалъ въ Чернышевскій. У него попадались хорошія старинныя вещи, но сбывалъ онъ и поддѣльныя, исполненныя по его заказу или же своего собственнаго издѣлія. Такъ, помню, продавалъ П. М. Ивановъ ожерелье будто бы принадлежавшее Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной. Сергѣй Тихоно-

---

*) Въ Парижѣ у Helleu я былъ нѣсколько разъ въ 1898 году. Послѣ моего послѣдняго посѣщенія этого художника я совершенно неожиданно получилъ отъ него записку о трагической смерти его маленькой дочери: „En rentrant ce soir“, писалъ мнѣ Helleu, „je trouve ma petite fille morte écrasée par une voiture“.

вичъ Большаковъ, о которомъ я уже говорилъ въ 3-й части „Воспоминаній“, принадлежалъ къ самымъ типичнымъ антикварамъ, какихъ я знавалъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ черномъ поношенномъ скюртукѣ, который носилъ, какъ онъ самъ говорилъ, уже 25 лѣтъ. Сергѣя Тихоновича, несмотря на его почтенные годы, часто можно было встрѣтить на улицѣ съ тяжелымъ мѣшкомъ, перекинутымъ черезъ плечо, въ которомъ онъ несъ какія-нибудь вещи. У С. Т. Большакова, какъ и у его родственника К. Т. Солдатенкова, вмѣстѣ съ коимъ онъ служилъ въ молельнѣ на Мясницкой, была привычка говорить въ носъ, причемъ Сергѣй Тихоновичъ закрывалъ глаза, что отлично копировалъ Дмитрій Висильевичъ Григоровичъ. При продажѣ вещей Сергѣй Тихоновичъ имѣлъ обыкновеніе говорить что-нибудь лестное своему покупателю, на примѣръ, если И. Е. Забѣлинъ торговалъ у Сергѣя Тихоновича какую-либо вещь, то послѣдній говорилъ: „вчера упоминалось ваше святое имячко“, на что Иванъ Егоровичъ шутя отвѣчалъ: „за лестъ прибавляю рубль“. У Ивана Лукича Силина, бывшаго иконописца, можно было найти замѣчательныя старинныя иконы. Павелъ Михайловичъ Третьяковъ былъ однимъ изъ его покупателей. Матвѣй Петровичъ Востряковъ зналъ толкъ въ древнихъ Русскихъ рукописяхъ, и у него я купилъ нѣсколько рѣдчайшихъ рукописныхъ книгъ, между ними Псалтырь толковую преподобнаго Максима Грека, писанную въ 1522 году сотрудниками Максима—Михаиломъ Медоварцовымъ и Селиваномъ инокомъ¹⁾. Яковъ Исаевичъ Черномордикъ торговалъ прежде на Арбатѣ²⁾, откуда потомъ перешелъ въ Леонтьевскій переулочекъ. Главнымъ покупателемъ былъ у него князь Левъ Сергѣевичъ Голицынъ. Между интересными старинными вещами у Черномордика встрѣчались и такія, какъ, на примѣръ, сушеная клешня омара, которую онъ продавалъ какъ рѣдкость. Въ Леонтьевскомъ переулкѣ Черномордика какъ-то обокрали, и онъ рассказывалъ, что воры были „официальные“, желая сказать „профессіональные“. Самого Якова Исаевича рѣдко можно было застать въ магазинѣ, а замѣнявшая его жена никогда не знала цѣнъ вещамъ, и если я заходилъ въ магазинъ, то она мнѣ только говорила: „ничего не было замѣчательнаго“.

У коллекціонера князя Льва Сергѣевича Голицына, большого знатока старинныхъ вещей и въ особенности стариннаго фарфора, не было, кажется, вещи, которую онъ не продалъ бы: все зависѣло лишь

¹⁾ За эту Псалтырь я заплатилъ М. П. Вострякову три тысячи рублей.

²⁾ Главнымъ мѣстомъ антикварной торговли въ Москвѣ былъ прежде Арбатъ, а впоследствии сдѣлался Леонтьевскій переулочекъ.

отъ цѣны. Немало прекрасныхъ вещей купилъ я у него¹⁾, но главными его покупателями были извѣстные антиквары, братья Гамбургеры изъ Амстердама. Князь Л. С. Голицынъ снималъ въ Москвѣ домъ князя Четверинскаго на Поварской²⁾. Кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ, въ этомъ домѣ была одна большая зала, въ которой висѣлъ на стѣнѣ гобеленовый коверъ съ изображеніемъ Тенъеровской кермессы, принадлежавшій князю Четвертинскому. Казалось, что домъ былъ выстроенъ для этого гобелена. Въ кабинетѣ у князя Л. С. Голицына находилось много разныхъ рѣдкихъ старинныхъ вещей, а подвальная комната была наполнена цѣннымъ стариннымъ фарфоромъ. Ъздилъ князь Левъ Сергѣевичъ и въ Нижегородскую ярмарку, гдѣ торговалъ своими собственными винами, и при случаѣ покупалъ старинныя вещи. Разъ у торгующей на ярмаркѣ разными старинными вещами Е. П. Маслениковой мнѣ случилось, такъ сказать, передъ самымъ носомъ князя Льва Сергѣевича, купить рѣдкій серебряный ковшъ Яицкаго войска, пожалованный императрицей Елисаветой Петровной. Приди я нѣсколькими минутами позже, ковшъ купилъ бы князь. Андрей Александровичъ Титовъ, познакомившась на ярмаркѣ съ княземъ Л. С. Голицынымъ, сталъ часто заходить къ нему въ лавку, чтобы выпить у него Шампанскаго. Эти посѣщенія Титова въ концѣ концовъ такъ надоѣли князю, что онъ, въ надеждѣ избавиться отъ нихъ, послалъ Титову дюжину бутылокъ Шампанскаго....

Въ Нижегородской ярмаркѣ старьевщики ютились преимущественно въ Ярославскомъ ряду. С. Т. Большаковъ и М. П. Востряковъ торговали старопечатными церковными книгами рядомъ съ трактиромъ Бубнова. Въ Пряничномъ ряду, гдѣ продаютъ дешевые Городецкіе пряники, похожіе вкусомъ и видомъ на мыло, было нѣсколько иконныхъ торговцевъ. Привозили на ярмарку старинныя вещи также Офени, Татары, Армяне и Евреи. На шоссе близъ Ярославскаго ряда торговала и торгуетъ до сихъ поръ Елисавета Петровна Масленикова изъ Ярославля, типичная старушка, вдова, родная сестра покойнаго Николая Петровича Пастухова. Въ прежнее время лавка Е. П. Маслениковой

---

¹⁾ У кн. Л. С. Голицына я между прочимъ кунилъ слѣдующія вещи: серебряную вызолоченную братинку супруги царя Василія Ивановича Шуйскаго, съ надписью: „Братина государыни царицы и великне княгини Елены Петровны“; серебряный тазикъ, принадлежавшій княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ, женѣ князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, взятаго въ плѣнъ Шведами подъ Нарвой въ 1700 году, и серебряный стаканъ съ гравированными на немъ Василіемъ Андреевымъ, ученикомъ Аванасія Трехменскаго, библейскими сценами.

²⁾ Нѣтъ графини А. А. Олсуфьевой. П. Б.

состояла изъ двухъ отдѣленій: мануфактурнаго и разнаго старья; теперь мануфактурное отдѣленіе закрыто. Елисавета Петровна во время ярмарки продаетъ и покупаетъ пухъ, мѣха, шелковые сарафаны, парчевыя душегрѣйки, серебро, золотыя вещи, жемчугъ, брилліанты и т. д. Нищимъ, которые то и дѣло заходятъ къ ней въ лавку, Елисавета Петровна даетъ всегда по копѣйкѣ каждому. Въ Ярославскомъ ряду я бывалъ ежедневно. Покупалъ тамъ вещи у старика-еврея Липскаго (+), который постоянно ходилъ въ собольей шапкѣ, по всей вѣроятности для того, чтобы предохранить ее отъ моли. У Николая Ѳедоровича Дубровина, изъ Ярославля, торгующаго иконами и старопечатными книгами, я между прочими интересными вещами купилъ серебряную чеканную братину съ вырѣзанной на ней надписью: „Братина боярина князя Юрьевы жены Яншѣевича Сулошева княгини Марѣы Михайловны“. Позднѣе я нашелъ у А. О. Карелина серебряную чеканную крышку отъ этой братины. Другой Ѳрославецъ, старикъ, часовщикъ Борисовъ (+), часто пьяный, имѣлъ въ Ярославскомъ ряду лишь одну витрину съ разными мелкими вещами. Однажды у Борисова я купилъ серебряный четырехъугольный ящичекъ XVIII вѣка. съ наружными черневыми изображеніями на всѣхъ шести сторонахъ ящичка плановъ Сибирскихъ городовъ: Тобольска, Тюмени, Тары, Туринска, Томска и Енисейска, а внутри ящичка, подъ слюдой, миниатюрный портретъ Сибирскаго губернатора Дениса Ивановича Чичерина*). Въ лавкахъ Ярославскаго ряда уже много лѣтъ торгуютъ два крестьянина изъ Городца (Нижегородской губерніи): черноволосый, простоватый Потапъ Степановичъ Кузнецовъ и рыжеволосый, плутоватый Михаилъ Аникіевичъ Косаревъ. Оба они въ былое время скупали вещи на Сѣверѣ, въ особенности въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, и привозили въ Нижегородскую ярмарку. Впослѣдствіи П. С. Кузнецовъ и М. А. Косаревъ стали ѣздить въ Москву и Петербургъ, а послѣдній даже въ Берлинъ и Парижъ, сбывать тамъ Русскія кружева, шелковые сарафаны, парчу и т. д. П. С. Кузнецовъ, наживши деньги, купилъ себѣ буксирный пароходъ, который сталъ сдавать въ аренду. Немало я перекупилъ у этихъ Городецкихъ крестьянъ старинныхъ деревянныхъ предметовъ крестьянскаго быта, сарафановъ, кокошниковъ, церковной

---

*) Впослѣдствіи купилъ я нѣсколько подобныхъ же серебряныхъ, съ чернью, ящичковъ съ портретами Д. И. Чичерина, а также серебряные, съ чернью, чарки Китайскаго типа и стаканы въ стилѣ Людовика XV съ гербами и шифрами этого губернатора. На одномъ имѣющемся у меня серебряномъ стаканѣ съ чернью и позолотою вырѣзана слѣдующая характерная надпись: „Сеі стаканъ изъ отческаго милосердія пожалованъ сыну Димітрію на іменина 1776 году сентября 21 дня: господиномъ Сибирскимъ губернаторомъ і ковалеромъ Денисомъ Ивановичемъ Чичеринымъ в Тоболске“.

утвари, священническихъ облаченій и т. п. Но моимъ главнымъ поставщикомъ все же оставался фотографъ Андрей Осиповичъ Карелинъ. Карелинъ пріобрѣталъ вещи большею частію у Нижегородскихъ жителей, но у трехъ изъ нихъ, какъ онъ ни ухаживалъ за ними, никакъ немогъ достать интересовавшихъ меня вещей, а именно: у Архангельскаго серебряный жалованный Петромъ Великимъ ковшъ, у Кутлубицкаго— жалованную императоромъ Павломъ I генераль-адъютанту Н. О. Кутлубицкому золотую табакерку, съ портретомъ этого императора, и у отца пьянистки Вѣры Ивановны Скрыбиной (присяжнаго повѣреннаго Исаковича) фарфоровую Саксонскую тарелку съ изображеніемъ двуглаваго орла и Андреевскаго креста. Въ лавкѣ С. Т. Большакова часто собирались пріѣзжавшіе на ярмарку старообрядцы. Посѣщалъ на ярмаркѣ Сергѣя Тихоновича также Нижегородскій священникъ Александръ Васильевичъ Кармазинскій (+), изъ церкви Воскресенія Христова, что на Ярилѣ. Во время ярмарки Кармазинскій велъ пренія со старообрядцами въ старомъ ярмарочномъ соборѣ. У Кармазинскаго купилъ я рукописный хронографъ XVII в., отчасти касающійся исторіи Нижняго-Новгорода.

Съ 1892 году, въ самомъ началѣ ярмарки, разразилась въ Нижнемъ холера. Въ то время Нижегородскимъ губернаторомъ былъ Николай Михайловичъ Барановъ, благодаря энергичной дѣятельности котораго начавшаяся было паника быстро улеглась. На ярмаркѣ открыли бараки для холерныхъ; на Волгѣ былъ устроенъ пловучій госпиталь, куда буксирные пароходы возили заболѣвшихъ холерой на приспособленныхъ для этого лодкахъ. Когда же не хватило для больныхъ мѣста въ баракахъ и госпиталѣ, то Николай Михайловичъ немедленно распорядился отдать губернаторскій дворецъ въ Кремлѣ подъ госпиталь. Съ его разрѣшенія наша фирма, вмѣстѣ съ мануфактурами Гюбнера, Цинделя и Даниловской, устроила близъ стараго ярмарочнаго собора кухню для насъ, нашихъ служащихъ и служащихъ означенныхъ мануфактуръ¹⁾. Поваровъ выписали изъ Москвы, за провизіей посылали утромъ въ городъ на базаръ одного изъ прикащиковъ съ артельщикомъ; за кухней наблюдалъ приглашенный нами врачъ. Для питья стали прибавлять въ кипяченую воду красное вино²⁾, что у насъ дѣлается и до сихъ поръ. Впослѣдствіи на ярмарочныхъ площадяхъ были поставлены для общаго употребленія баки съ кипяченой водой,

1) Мой братъ Сергѣй ѣздилъ къ Н. М. Баранову просить дозволенія устроить на свой счетъ кухню для нашихъ служащихъ.

2) Захварывали холерою большею частію послѣ питья сырой воды.

смѣшанной съ краснымъ виномъ. Сначала при появленіи холеры было какъ-то жутко: всюду пахло карболкой, часто встрѣчались на улицахъ холерные, которыхъ несли на носилкахъ или везли на извозчикахъ; но потомъ попривыкли и стали относиться къ этой болѣзни хладнокровнѣе. Братъ Сергѣй и я наняли было въ городѣ бывшую квартиру художника Константина Егоровича Маковского, но недолго въ ней прожили: хозяйка, должно быть изъ опасенія, что мы занесемъ съ ярмарки холеру, попросили насъ освободить квартиру. Нечего было дѣлать: мы переселились на Нижній Базаръ, въ Биржевую гостинницу. Съ Николаемъ Михайловичемъ Барановымъ, который былъ Нижегородскимъ губернаторомъ съ 1883 года, ближе познакомился только въ 1895 году; передъ тѣмъ я встрѣчался съ нимъ на обѣдахъ, которые давало ему ярмарочное купечество, причемъ знакомство наше ограничивалось нѣсколькими привѣтственными словами и рукопожатіями. Собственно познакомилъ меня съ Н. М. Барановымъ его другъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ, гостившій у него и жившій во время ярмарки 1895 года въ главномъ домѣ¹⁾. У Баранова я былъ съ визитомъ и подарилъ ему свои изданія. Затѣмъ я получилъ отъ него слѣдующее, у меня сохранившееся, письменное приглашеніе: „Многоуважаемый Петръ Ивановичъ. Не сдѣлаете ли честь моему солдатскому обѣду пожаловать сегодня въ 4^{1/2} (въ пиджакѣ)? Обѣщали быть Д. В. Григоровичъ и С. Т. Морозовъ. Сердечно Вашъ Н. Барановъ. 17-го Авг. Четвергъ“. Солдатскій обѣдъ оказался весьма порядочнымъ. Только странно, что на пирожное подали подносъ съ мармеладомъ разныхъ сортовъ. За обѣдомъ присутствовали: Д. В. Григоровичъ, Нижегородскій вице-губернаторъ Фредериксъ, Нижегородскій полиціймейстеръ князь Михайлъ Викторовичъ Волконскій²⁾ и предсѣдатель ярмарочнаго комитета С. Т. Морозовъ. Кромѣ Фредерикса, всѣ остальные были мнѣ уже знакомы. Во время обѣда Николай Михайловичъ много рассказывалъ и не давалъ другимъ говорить. Наконецъ говорливый Григоровичъ не вытерпѣлъ и перебилъ Николая Михайловича, сказавъ: „душенька, вы уже достаточно говорили, позвольте теперъ и мнѣ кое-что рассказать“.

Лѣтомъ 1893 года я предпринялъ путешествіе въ Петрозаводскъ. 1-го Юля выѣхалъ изъ Москвы въ Тверь, гдѣ осмотрѣлъ замѣчательный историко-археологическій музей, помѣщавшійся тогда въ одной изъ большихъ залъ мужской гимназій и, можно сказать, созданный

¹⁾ Матери у обоихъ были родомъ француженки. П. Б.

²⁾ Съ княземъ М. В. Волконскимъ я былъ знакомъ еще въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ полиціймейстеромъ.

предсѣдателемъ Тверской казенной палаты Августомъ Казимировичемъ Жизневскимъ. Я рѣдко встрѣчалъ такого неутомимаго и настойчиваго собирателя, какъ Августъ Казимировичъ. По его порученію подчиненные ему чиновники собирали древности во всей Тверской губерніи. У какой-то барыни въ Твери была серебряная коробочка, покрытая расписной финифтью, Русской работы конца XVII вѣка; Жизневскій ухаживалъ двадцать лѣтъ за этой коробочкой, пока барыня не пожертвовала ее въ Тверской Музей. Будучи холостымъ и уже на склонѣ жизни, Августъ Казимировичъ большую часть своихъ небольшихъ средствъ тратилъ на свое любимое дѣтище—Тверской Музей. Настоящимъ блестящимъ состояніемъ Тверской музей всецѣло обязанъ этому замѣчательному и безкорыстному дѣятелю*). Кроме старины, Жизневскій очень любилъ цвѣты: когда я былъ у него, то видѣлъ на письменномъ столѣ вазы съ роскошными букетами. Вечеръ въ Твери я провелъ съ Жизневскимъ, гуляя по набережной Волги, гдѣ выстроены рядъ прекрасныхъ домовъ по повелѣнію императрицы Екатерины II послѣ большого пожара, бывшаго въ 1763-мъ году. Распростившись съ Августомъ Казимировичемъ, я сѣлъ на пароходъ, отходившій въ Рыбинскъ. Въ Кимрахъ верхнюю палубу нашего парохода нагроузили дамскими ботинками и мужскими штиблетами. 3-го Іюля съ утра до вечера я пробылъ въ Угличѣ, гдѣ остановился въ довольно грязной гостинницѣ, такъ какъ лучшей тогда не было. Въ Угличѣ осмотрѣлъ нѣсколько старинныхъ церквей, въ томъ числѣ церковь „Димитрія на крови“, и дворецъ царевича Димитрія, незначительное строеніе изъ краснаго кирпича, реставрированное покойнымъ Николаемъ Владимировичемъ Султановымъ. Музей, помѣщающійся въ этомъ дворцѣ, послѣ замѣчательнаго Тверского, мало представлялъ интереса. 4-го Іюля прибылъ я въ Рыбинскъ и засталъ еще тамъ ярмарку, гдѣ торговалъ иконами и книгами въ миниатюрной лавочкѣ мой знакомый, Николай Ѳедоровичъ Дубровинъ изъ Ярославля. Встрѣтилъ я также на ярмаркѣ Татарина, помощника муллы изъ Костромы, у котораго на Нижегородской ярмаркѣ я купилъ за десять рублей фарфоровую Севрскую тарелку 1785 года, украшенную живописью (цвѣтами) Micaud и позолотой Vincent.

*) Тверской Музей теперь помѣщается въ западной части Императорскаго дворца. Въ 1893-мъ году я пожертвовалъ черезъ А. К. Жизневскаго въ этотъ Музей икону Тверскихъ чудотворцевъ, записанную, какъ мнѣ сообщилъ въ письмѣ отъ 2-го Августа 1893 года Жизневскій, по описи подъ № 7403-мъ.